

Литературное агентство «Московский Парнас» выпускает альманахи, литературоведческие монографии, сборники стихов и прозы. Вот уже десять лет его возглавляет критик, литературовед Леонид Васильевич ХАНБЕКОВ, который любезно согласился рассказать о жизни на «Парнасе» корреспонденту «Русской Америки» Сергею Садыкову.

Леонид Васильевич, «Московский Парнас» расположен в старинном особняке по соседству с памятником Льву Толстому и знаменитым Домом литераторов на Большой Никитской...

— Действительно, в здании, где мы работаем, располагается Международное сообщество писательских союзов, наследник большого и всем известного творческого объединения — Союза писателей СССР. Возглавляет его старейшина советской литературы — Сергей Владимирович Михалков. А «Московский Парнас» существует тут на правах арендатора с 2004 года.

— Сегодня почти в каждом российском городе выходит свой литературный альманах. А в чем оригинальность «Московского Парнаса»?

— Наш альманах — периодическое издание. В 2003 году, когда мы его создавали, планировали выпускать два сборника в год. В итоге получилось три, в 2004-м планировали четыре — сделали пять, в 2005-м планировали шесть — сделали восемь, нынче надеемся сделать десять.

— От авторов, желающих опубликоваться, наверное, нет отбоя...

— В России море пишущих людей, и не хватит никаких издательств, чтобы всех их опубликовать. Альманах называется «московский», но скоро придётся его переименовать в «российский». У нас есть авторы из Санкт-Петербурга, где существуют альманахи «Медвежий песни» и журнал «Северная аврора». Дружим с альманахом, выходящим в Кисловодске, — «Лира Кавказа». По нашему примеру появились два новых альманаха: в Туле — «Приокские зори», в Красноярске — «Енисейский литератор».

— Как это всё технически происходит, ведь многие авторы живут за сотни и тысячи километров?

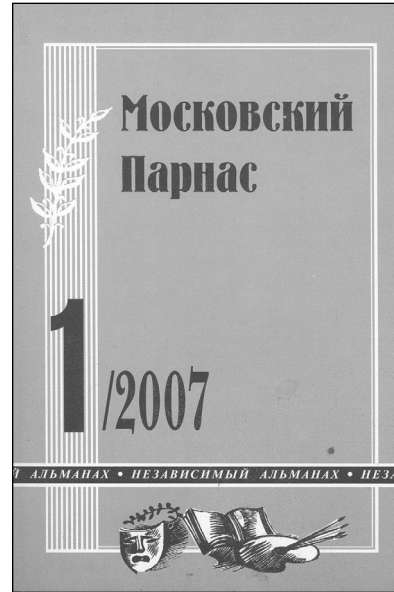
— Мир слухами полнится, как говорят. Члены нашего редсовета живут в регионах России, и эти «лучи» пронизывают всю страну. Мы никого не отталкиваем; даже если человек по своему творческому уровню не может быть опубликован на страницах альманаха, мы рецензируем его работу. Этого сейчас никто не делает. Газеты и журналы в переписку с читателями не вступают, рукописи не возвращают. Я сам прошёл все

КОГО СЕГОДНЯ ПУСКАЮТ НА ПАРНАС?

эти тернии и знаю, как тяжело, скажем, восстановить рукопись. А если уж мы кого печатаем, то проявляем уважение и терпение, показывая почтение, приглашая посмотреть, почитать...

— Что интересного выпускаете?

— Вот, например, серия «Созвездия России» — это очерки о поэтах, прозаиках, художниках, что-то сделавших в истории культуры. Как правило, в год выходит четыре-пять книг. Я считаю, что таким образом мы заполняем литературный вакуум, потому что всерьёз критикой сейчас никто не занимается. Кроме это, мы выпускаем сложное культурологическое издание «На пороге XXI века». Это автобиографический справочник, куда могут попасть люди, имеющие право называться авторами. Они не обязательно члены профессиональных союзов, могут быть и без писательской книжки. С 1997 года мы уже осуществили восемь выпусков. Наш справочник служит источником сведений по нынешней литературно-культурной ситуации в России для славистов всего мира — Италии, Франции, Китая. Здесь у нас могут быть, как известные люди, например, Сергей Михалков, так и те, кто выпустил одну-две книги — авторы из Костромы, Тульской, Иркутской, Омской областей. У нас в справочнике были полностью представлены Липецк, Орловская, Пензенская, Псковская, Челябинская, Хабаровская писательские организации... Недавно мы утвердили новое направление — книги лауреатов. Каждый год «Московский Парнас», учитывая мнения

чинений, количество томов, объёма. Сейчас автор представлен сам себе... «Московский Парнас» в этом отношении помогает, устраивает встречи с читателями в студенческих аудиториях, домах отдыха, библиотеках, дворцах культуры.

— Для вас, как главного редактора альманаха, важно, чтобы автор был профессионалом?

— Да, случается, что человек не обкатан литературной шко-

лой, вещь даже может быть не отредактирована, но по теме яркая и талантливая — мы её берём... Можно всю жизнь знать теорию и не написать ни одного стоящего произведения, не иметь образного мышления, но, если человек идёт в поэзию, он должен знать «ремесло поэта»... Вот, пытаются представить «самородком» Сергея Есенина, но Есенин сколько всего читал и университет посещал... А уж интеллект А. Блока! Его поэзия стала даже немного холодной от обилия знаний. Что же лучше — знания, которые делают литературу немного дистиллированной, или «самородок», который сохраняет эту природную «шероховатость»? Известная горьковская мысль: каждый человек способен написать одну книгу — книгу своей жизни. Другое дело в том, что он может написать её коряво.

— Случалось, наверное, открывать новые таланты...

— Я успел в свое время помочь нескольким писателям. Скажем, когда вышла первая книга поэта А. Трофимова, то я предсказывал ему большое будущее. Сейчас Трофимов — яркая личность, много издаётся. Владимир Мазин за книгу «Бубен и скрипка», вышедшую в нашем издательстве, получил губернаторскую премию. В своё время я печатал стихи ныне известной, а тогда ещё молодой поэтессы Тани Смертиной из села Соржи Кировской области. В газете «Книжное обозрение» в 1970-е сказал первое слово о талантливых Юрии Конечком и Любове Ладейщиковой... Кстати, в следующем номере у нас даже по-

явится специальная рубрика «Родники народные».

— Расскажите про писательский клуб...

— Клуб «Московский Парнас» родился как ответ на требования времени. Человеку дорого, когда его читают, знают. Некоторые идут на литературную встречу, как на психоделик, — вот так были организованы презентации в старых союзах писателей. Люди приходили получить скорее в подарок книжку и сесть за стол, даже не развернув дарственную надпись. У нас другой принцип. Поскольку книг выходит много, мы объединяем презентации сразу нескольких, стараемся, чтобы они были разножанровыми. Не скрываем авторов во время выступления, так что обсуждение чаще всего выходит за пределы повестки дня. Это тоже обмен опытом. Кроме того, здесь бывают и художники, и музыканты... А принимаем мы в клуб по принципу профессионализма. К нам приходят люди, имеющие должности в писательских кругах, — секретари союзов, члены правлений, редакторы издательств, журналов, составители сборников, но не только. Кроме традиционного места наших заседаний на Поварской, мы выступали в Одинцово, Мытищах, Немчиновке, Юбилейном, ряде московских библиотек. Подобные встречи, что называется, «накоротке», читателей с авторами подсказывают новые идеи.

— Спасибо за интересное интервью.

На фото: Обложка журнала «Московский Парнас»

Что такое актерская судьба? Вероятно, количество ролей выпадающих актеру в жизни как жребий; он-то и определяет его творческий путь. Иногда, актер играет свои роли всю жизнь, из месяца в месяц, из года в год. А иногда, роль всплывает на его пути, неожиданно, как пожар, и огнем пламени уносит свой объект в бесконечность. Роли, как и люди, имеют свои судьбы, за некоторыми тянется шлейф недоброй славы. Актерская братия суеверна. Есть роли, к которым лучше не стремиться, а играть их — фатально. Судьба образа может перейти на судьбу актера. В театре про это знают. И, тем не менее, случается, что не актер выбирает роль, а роль актера...

Недалеко от Красной площади, между зданием гостиницы «Интурист» и Центральным московским телеграфом находится старинное строение театра имени Ермоловой. С 1931 по 1938 год здесь размещался Государственный театр Всеволода Эмильевича Мейерхольда.

Великий режиссер, новатор, реформатор сцены до конца дней был предан единственной женщине. Актрисе, которую сам и создал — Зинаиде Николаевне Райх. Их путь друг к другу был не простым. Для каждого — это второй брак.

Ее первый муж, уже тогда известный поэт Сергей Александрович Есенин. Не выдержав загулов и рукоприкладства, она уходит от него, будучи беременной вторым ребенком.

«Вы помните, вы все, конечно, помните... // Как я стоял, приблизившись к стене. // Взволнованно ходили вы по комнате. // И что-то резкое в лицо бросали мне. // Вы говорили, нам пора расстаться. // Что вас измучила моя шальная жизнь. // Что вам пора за дело приниматься. // А мой удел — катиться дальше вниз.»

Эти строки обращены к ней. Говорили, что Зинаида Николаевна была женщиной, чувство к которой «златоволосый певец деревни» пронес через всю жизнь, несмотря на многочисленные браки. Впоследствии, он признается «Свою жену легко отдал другому...» А вот последние, посвященные ей стихи:

«Я знаю: вы не та — // Живете вы с серьезным, умным му-

„ДАМА С КАМЕЛИЯМИ“

жем, // Что не нужна вам наша маета // И сам я вам ни капельки не нужен. // Живите так, как вас ведет звезда, // Под куцей обновленной сени. // С приветом, Вас помнящий всегда // Знакомый Ваш Сергей Есенин.» (1924 г.)

Союз с Есениным, вряд ли, можно было назвать счастливым. К тому же ее не принимало окружение Сергея Александровича. Его друзьями она казалась капризной и взбаломашной, они высмеивали ее актерское пристрастие.

В юности Зинаида Николаевна была весьма увлечена революционными идеями. Рано оказалась втянутой в модное, тогда, политическое движение, за что была исключена из гимназии. В 19 лет член партии социалистов-революционеров, она, в основном, занималась пропагандистской работой. Однако семейная жизнь с Есениным вытеснила из ее души амбиции революционерки. Позднее, придя в студию Мейерхольда, она увлеклась его творческими новациями в создании нового, авангардного театра. Не найдя себя в революции, она попала в эмоциональную, чувственную среду Мейерхольда, и он смог открыть в ней то, что было так глубоко скрыто. «Мастер строил спектакль, как строят дом, и оказаться в этом доме, хотя бы, дверной ручкой было счастьем» — говорили актеры о великом Мейерхольде.

Их встреча была судьбоносной. Ища свою «Галатею», он влюбился в молодую ученицу. Она же, разочаровавшись в социалистических идеях, устремив весь свой мятежный темперамент в театр, хотела освободиться от одолевшего ее эмоционального бремени, и тоже влюбилась.

Бомонд относился к ней холодно, считал посредственной, обвинял в чрезмерном давлении на мужа в профессиональном плане. И, тем не менее, только истинным чувством можно объяснить решение Всеволода Эмильевича включить в репертуарный план театра французскую, любовную мелодраму Дюма-сына «Дама с камелиями». Свой последний спектакль мастер ставил исключительно

З. Райх и В. Мейерхольд

но для нее и на нее. Он посвящен ей. Нужно было обладать большой смелостью, чтобы во время поголовных сталинских репрессий, простую буржуазную мелодраму сделать песней своей любви.

Премьера состоялась 19 апреля 1934 года и имела огромный успех у москвичей. Попасть на спектакль было очень трудно. В нем отсутствовал даже намек на какую-либо идеологию или социальную значимость. Зрители приходили посочувствовать просто личной трагедии человека, женщины. Люди, истосковавшиеся по истинным чувствам, стремились увидеть то, что так быстро исчезало со всех советских сцен того времени.

В этом спектакле Зинаида Николаевна была великолепна, да же критики, всегда нападавшие на нее, отмечали это. Как писал о ней Юрий Олеша, существо «с вишневыми глазами и абсолютной женственностью». На сцене была нео-

быкновенно элегантная, утонченная «французская» красавица. Она разрывалась между чувством и моралью, между страстью и нравственностью. Чистота отношений Маргариты и Армана была необыкновенно трогательна. В любовных сценах не было и намека на какую-либо эротику, во всем присутствовали сдержанно-возвышенные тона. Ее партнером был Михаил Царев. Прекрасный актер, впоследствии народный артист Советского Союза, Главный режиссер Малого театра, он в сравнении с Райх был простоват. Ему не хватало элегантности, естественной раскованности истинного аристократа.

«В эпизоде расставания Маргарита и Арман вели диалог приглушенными голосами, стараясь быть внешне спокойными и изо всех сил сдерживая слезы. И лишь единственный раз Арман проводил по щеке своей возлюбленной, вытирая непринужденно слезу, и этот скромный жест произво-

дил на зрителей потрясающее впечатление. Стоявшая в зале тишина сменялась всхлипываниями и сморганиями».

В этом спектакле Мейерхольд отразил атмосферу и стиль буржуазного общества XIX века с исключительным вкусом и достоверностью. На сцене находились подлинно вещи девятнадцатого века. Мебель, вазы, статуэтки, посуда и многое другое были не буффорские, а приобретались в антикварных магазинах специально для этой постановки. Когда его упрекали в излишней пышности и декорационной натуральности спектакля, без которых, как утверждали, можно было бы обойтись (да и зритель из зала не оценит и не отличит одно от другого), он говорил: «Зритель не оценит, но зато оценят актеры. Чудесные, старинные вещи, сделанные много лет тому назад, каких уже не умеют делать теперь, заключают в самих себе дух минувшей эпохи. И актеры, находясь в окружении этих вещей, почувствуют образы и страсти прошлого и вернее передадут их. А вот уж это заметит и оценит зритель...»

Но, однажды в зале оказался зритель, который не только оценил удивительное убранство и красоту французской аристократического двора, он понял «сверхзадачу» спектакля, и Сталина потрясла воплощенная широта мысли режиссера — стремление к красивой, богатой, человеческой жизни. То, что не удавалось создать «Великому вождю» в стране, создал на сцене Мастер. Видимо, архитектор нового времени, Сталин, позавидовал архитектуре нового театра — Мейерхольду. И в 1938 году Комитет по делам искусств принял постановление о ликвидации театра Всеволода Мейерхольда. Последний спектакль «Дама с камелиями» состоялся вечером 7 января. Отыграв финальную сцену — смерть Маргариты — Зинаида Николаевна потеряла сознание. Ее на руках отнесли за кулисы. Театр был закрыт как «враждебный советскому искусству».

Мейерхольда арестовали 20 июня 1939 года в его ленинградской квартире. 22 июня, поездом, под конвоем переправили в Москву, где он находился в разных тюрьмах несколько месяцев. В ян-

варе 1940 года он написал заявление на имя В. Молотова. «Меня здесь били — большого 65-летнего старика кляли на пол лицом вниз, резиновым жгутом били по пяткам и по спине, когда сидел на стуле, той же резиной били по ногам сверху с большой силой по местам от колен до верхних частей ног. В следующие дни, когда эти места ног были залиты обильными внутренними кровотоками, то по этим красно-сине-желтым кровоподтекам снова били жгутом.»

Его обвиняли как шпиона английской и японских разведок, приговорили к расстрелу с конфискацией имущества, и вскоре приговор привели в исполнение. В тот день, когда арестовали Всеволода Эмильевича, в их московской квартире в Брюсовском переулке был произведен обыск. Вероятно, Зинаида Николаевна предчувствовала беду: двух своих детей от брака с Есениным — Татьяну и Константина благополучно отправила из дома.

Через несколько дней ее нашли полуживой в собственной спальне, с множеством ножевых ранений. На попытки врача скорой помощи остановить кровотечение она ответила: «Оставьте меня, доктор, я умираю...» Скончалась она по дороге в больницу.

До сих пор точно неизвестно, что же произошло в тот роковой день. Все ценные вещи: колье, браслеты, золотые часы, оставались лежать на столике, рядом с кроватью. Ничего из дома не пропало. Кто-то утверждал, что домработница, которую нашли с проломленной головой, спугнула воров. Кто-то намекал, что западная пресса была взволнована арестом Мейерхольда, Райх звонили иностранные корреспонденты, просили дать интервью, и она могла попросить защиты у мировой общности. Ясно одно: решив уничтожить Мейерхольда, партийная верхушка пыталась расправиться, таким жутким способом, и с его женой.

Ее похоронили на Ваганьковском кладбище, недалеко от могилы Есенина. Мейерхольд погреб в застенках Лубянки. Впоследствии, на ее памятьники добили надпись «Всеволод Эмильевич Мейерхольд». Место, где он захоронен, до сих пор неизвестно. Даже после смерти они вместе. Истинное чувство оказалось сильнее страшного мракобесия сталинизма. Яркая жизнь, страшная смерть, большая любовь!

Ирина ЛУКЬЯНОВА,
(Вашингтон)